
ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА И КОНЦЕПТ *МЕЧ* В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА НА ФОНЕ ДРУГИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Л.Н. Третьякова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена военной концептосфере и концепту холодное оружие (*МЕЧ*). В работе определяются сущность и признаки военного концепта-символа *МЕЧ*, рассматривается эволюция концепта.

Ключевые слова: военная концептосфера, военный концепт, концепт-символ *МЕЧ*, миф, архетип.

В начале XXI в. во всем мире, и в частности в России, повысился интерес к военной концептосфере русского человека. Например, фонд «Русский мир» проводит акцию «Русский мир — память сердца», которая направлена на сбор, описание и сохранение артефактов, связанных с памятью о войне. Меч Победы, подаренный У. Черчилем советскому народу, меч в руках Родины-матери — скульптурной композиции на Мамаевом кургане в Волгограде, монумент советскому солдату с опущенным мечом в Берлине — это символы нашей великой победы в войне 1941—1945 гг.

Одним из концептов — символов военной концептосферы является меч. Среди концептосфер, формирующих языковую картину мира русского человека, военная концептосфера определяет нравственные, духовные основы русской языковой личности.

Рассмотрим концепт-символ *МЕЧ* как сегмент концепта *ОРУЖИЕ*, определим его отличительные признаки: «переживаемость» (концепт не только мыслится, но и эмоционально переживается), «семантическую плотность» (представленность в плане выражения целым рядом пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), ориентированность на план выражения (включенность имени концепта в ассоциативные связи — наличие специфической языковой метафоры), этноспецифичность и проследим его эволюцию. Концепт *МЕЧ* занимает особое место в военной концептосфере русского и многих других языков, имеет необыкновенно богатую символику.

Это объясняется не только лингвистическими, но и прагматическими факторами, которые оказали влияние на формирование его семантической структуры и восприятие носителями языка. Концепт *МЕЧ* является культурным феноменом, так как его формирование как концепта происходило в течение длительного периода времени. В этой связи следует отметить, что историческая военная составляющая играет большую роль в интерпретации данного концепта и помогает проявить смыслы, которые зависят от системы ценностей определенных социальных групп.

В истории цивилизации холодное оружие стало символом справедливого возмездия, знаком отваги и доблести, олицетворением воинской славы, священным предметом, произведением искусства.

Концепт *МЕЧ* связан с мифологическим сознанием человека, так как первые бронзовые мечи появились в середине 2 тыс. до н.э., железные — в начале 1-го тыс. до н.э. и применялись в пехоте и коннице до начала XVI в.

Современная наука понимает миф и мифологическое мышление как точку отсчета в истории человечества и вместе с тем как сохранившуюся органическую часть современной культуры. Меч был объектом поклонения у многих первобытных народов. Скифы ежегодно приносили в жертву нескольких коней лезвию меча, в котором видели бога войны. Римляне верили, что железо меча способно предохранять от злых духов. Подобная вера до сих пор сохраняется в Шотландии. В Древнем Китае меч в руках колдуна изгонял демонов.

Влияние мифологического сознания проявляется в наличии признака «одушевленность» в концепте «холодное оружие». Оружие, в частности меч, наделяется именем собственным, ему приписываются человеческие качества. Считается, что отождествление одушевленного и неодушевленного было характерно для человека архаической эпохи. Кроме того, концепт *МЕЧ* обнаруживает культурно-специфические признаки: «сакральность», «дар», «драгоценность». Неожиданное появление оружия в критический для героя момент, его волшебные свойства «сверхпрочность, сверхвязкость», блеск служат свидетельством сакральности оружия. Например, в коллективном сознании англосаксов оружие относилось к категории сокровищ, ценностей: «...дал тогда Беовульф сын Хальфдана семь вышитых золотом стягов и награду / украшенное знамя, шлем и кольчугу / величественный драгоценный меч» (Беовульф, 1020—1023).

В японской традиции меч является также одним из трех священных императорских сокровищ.

Культурно-специфическим следует считать признак меча «источник света»: «... стояло сияние мечей, как будто весь Финнбург был в огне». Данный образ считается традиционно германским, так как он представлен также в скандинавской «Младшей Эдде» при описании Вальгаллы, мифического жилища умерших воинов, которое освещается сиянием мечей.

Культурно-специфический признак концепта англосаксонской военной картины мира — это материал, из которого изготовлен меч: признаки «дамасская сталь» и «меч» со змееобразным узором на клинке. В современной немецкой литературе такой тип узора называется «пестрочервячным» — *Wurmbund*.

Разнообразные оттенки деталей узора получаются из-за использования при изготовлении меча нескольких сортов.

Изготовление и закалка мечей сопровождалась многими суевериями и легендами. В древности закаливали меч иногда в теле мускулистого раба, считая, что сила его мышц перейдет на клинок, иногда в моче рыжего мальчика или в моче черного козла. Здесь рациональный принцип азотирования металла сочетался с суевериями.

Необходимо сказать и о языческих обрядах с мечами. Танец с мечами существовал во всех эпохах и у самых разных народов.

В германском культурном регионе было обычаем устраивать праздники оружия, где исполняли танцы с мечами, которым давали имена героев сказаний (Бальмунг, Нагерминг и др.).

Рассмотрим концепт МЕЧ в русской лингвокультуре. По В.И. Далю, «Меч — холодное, ручное оружие древних и средних веков, что ныне шпага, сабля, палаш, шашка; при различной длине, они были прямы и обоюдоостры». Здесь же В.И. Даль перечисляет фразеологические единицы со словом «меч»:

Зорить огнем и мечом. На что и меч, коли некого сечь. На что бабе меч, коли нечего сечь. Остер меч, да некого сечь. Твой меч, моя голова. Покорной головы и меч не сечет [1. С. 324].

Д.Н. Ушаков приводит такое толкование данного слова:

Меч. Старинное холодное оружие в виде обоюдоострого, длинного прямого ножа с рукояткой. Острый меч. Разрубить мечом. «И он мне грудь мечом рассек» (Пушкин) // *перен.* Употребляется как символ войны, в выражениях: поднять меч (объявить войну), точить меч (готовить войну), Дамоклов меч (книжное) — постоянно грозящая опасность; скрестить мечи (книжн.) — вступить в бой, [2].

С.И. Ожегов дает такую словарную статью:

Меч, -á, м. Холодное оружие с обоюдоострым длинным прямым клинком: под-
нять меч на кого-н. (*перен.*: объявить войну; *устар.* и *высок.*), пройти огнем и мечом (беспощадно уничтожить, разорить войной, *высок.*), вложить меч в ножны (*перен.*: кончить войну, *высок.*), меч войны (*высок.*), меч правосудия (*высок.*) [3. С. 301].

В данных словарных статьях мы видим расширение лингвокультурного поля концепта МЕЧ: появляется новый социальный аспект (символ войны), происходит смещение смысловых акцентов (меч правосудия). Концепт МЕЧ глубоко этноспецифичен. В русском фольклоре и книжной средневековой традиции — это меч-кладенец, меч-самосек, чудесное оружие, обеспечивающее победу над врагами. В «Сказании о Вавилоне-граде» меч-самосек носит название «Аспид-змея» и наделен чертами оборотня (превращается в змея). Распространен мотив поиска меча, скрытого в земле, замурованного в стене и т.п., связанный с представлением о кладе (кладенец) или погребении (меч под головой убитого богатыря). Для русского языка характерна «семантическая дуплетность, где в парах «меч-кладенец», «меч-самосек», «меч-оборотень», этноспецифичным является второй член. Меч-самосек фигурирует в древнерусских заговорах против оружия. Одна из древнейших рукописей, в которой сохранились записи заговоров — Великоустюжский сборник начала XVII в. В заговорах, вошедших в сборник, меч-самосек — принадлежность «святаго царя небеснаго». Особые магические свойства меча ярко проявляются в том, что человек, произносящий заговор и заклинающий «против всяких ратных людей, и против их ратнево воинского ратного оружия», напротив, призывает на себя смерть от меча-самосека: «У святаго царя небеснаго есть меч-само-

сек. Когда те злы люди супостаты тот меч достанут, тогда меня, раба Божия имярек, убеть. Тому мечу от царя небесна не отхаживати, а меня, раба Божия имярек, не убивывати» [4. С. 177]. Иными словами, меч мыслится как оружие, которое в принципе никогда не покидает своего хозяина (небесного царя) и не может служить злему умыслу. И значит, человек, которому уготована смерть от выкраденного волшебного меча, ничем не рискует.

В контексте заговора «небесный царь» отождествляется с христианским Богом, однако сопоставление со «Сказанием о Еруслане Лазаревиче» дает основание думать, что на месте «небесного царя» в древности могло оказаться какое-либо солнечное божество из языческого пантеона. Божественное оружие в системе религиозного мировоззрения являлось символом защиты добра и справедливости. И всякий меч нес на себе «отсвет» этой функции.

В русском языке существовали заговоры колдунов на вражеское и свое оружие:

Ты, мой меч-кладенец, вертись и кружись, как у мельницы жернова крутятся, ты круши и кроши всяку сталь и уклад, и железо, и медь; пробивай, прорубай всяко мясо и кость, а вражьи удары чтобы прядали от тебя, как камни от воды, и чтобы не было тебе от них ни царапины и зазубрины! Заговариваю раба Афанасия, опосываю мечом-кладенцом. Чур, слову конец, моему делу венец! [5. С. 362].

Наиболее яркое описание «волшебного» меча в древнерусских письменных источниках относится к XV в. Оно содержится в «Житии Петра и Февронии Муромских».

Меч выступал не просто оружием в справедливых руках, а сам был мерилom и защитником справедливости. Меч без усилий со стороны Петра оказывается у него, и сам, по сути, с одного удара разит Змея. В языческой картине мира оружие воспринималось как некая сущность, обладающая в какой-то мере сознанием и волей. Заключая договор с греками, русы при Олеге клянутся оружием. В договоре Игоря клятва расшифровывается и дается в пространном варианте: «да не оущитятся щиты своими, и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружья своего» [6]. Таким образом, оружие наделялось способностью следить за честностью своего владельца и наказывать его в случае нарушения данного им слова.

Сходный мотив видим мы и в «Повести о Вавилоне-граде». Аналогом Агрикова меча там выступает меч-оборотень Аспид-змей, оружие, которое само бьет врагов; главное — удержать его в руках. Сын вавилонского царя Навуходносора Василий берет в руки заповедное оружие. Вырвавшись из нетвердой руки, меч бьет не только врагов, но и самих вавилонян. Аспид-змей, как и Агриков меч, хранится замураванным в стене храма.

В русских сказках герой находит магическое оружие, как правило, в глубоких подвалах или пещерах, вход в которые завален валуном. В «Сказании о Еруслане Лазаревиче», произведении XVII в., в котором восточное сказание о персидском богатыре Рустеме было переработано в духе русского былинного эпоса, главный

герой находит волшебный клинок под головой богатыря. Богатырь мертв, но голова его, к удивлению Еруслана, разговаривает. Он узнает, что под ней сокрыт меч, и просит: «О государыни богатырская голова! Надеючись на твое великое жалованье и милосердие: хотела ты изъ подь себя мечь свободить мне, и язъ передь царемъ похвалился, и царь мне такъ сказалъ: толко де Еруслонъ не добудешь того меча, и ты де у меня не можешь нигде укрыться и утйти, ни водою, ни землею... О государыни богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животь!» Голова сдвигается — Еруслан получает меч [7. С. 270].

Исторической основой данных сказочных сюжетов стали случаи извлечения оружия из могильных курганов в эпоху раннего Средневековья. Возможна также трактовка часто встречающихся сюжетов об извлечении меча из камня или из дерева, из-под воды — как выражение мифологической функции меча — связующего звена между разными мирами.

«Возвращение» меча из «загробного мира» способствовало установлению сакрального ореола, который подкреплялся еще и тем, что в захоронениях могли встречаться высококачественные клинки древних вождей, превосходящие качеством выделки обычное вооружение позднего времени.

Несмотря на существование в системе древнерусской литературы и восточнославянского фольклора и других символов воинской доблести, войны и сражений (например, копья и сабли), миф отчетливо сохранившихся представлений о сверхъестественных свойствах остается именно за мечом. Например, в «Повести о Еруслане Лазаревиче» в обычный набор богатырского вооружения входит копьё, сабля и лук. С обыкновенным человеком «князем Иваном, русским богатырем» Еруслан бьется при помощи копья или сабли. Меч появляется только тогда, когда возникла необходимость убить «вольного царя Огненного щита, Пламенное копьё». В образе «царя» видятся черты солярного бога, убить его обыкновенным оружием нельзя — он «в огне не горит, в воде не тонет» и боится только меча, хранящегося под богатырской головой. Даже обладая мечом, достичь цели не просто: «Не всемъ ты завладеешь, что мечъ взялъ: можешь и съ мечемъ бытии мтвь», — говорит богатырская голова Еруслану [7. С. 272]. Мечом можно ударить только один раз, если ударить повторно, поверженный противник снова оживет.

В связи с формированием христианской картины мира в русском языке появляются соответствующие фразеологические единицы. Материальная составляющая концепта послужила основой для развития нравственного понятия и его ментальной репрезентации. Произошло его «логическое снятие», в результате чего концепт стал осмысливаться по-другому: это Меч Духа — слово Божье («*Возьмите и меч духовный, который есть слово Божие*» Послание к Ефесянам 6:17). Условно библеизмы можно разделить на три группы.

1. Предупреждение о наказании тех, кто разжигает войну и о надежде закончить с войной:

Возврати меч твой в его место, ибо взявшие меч, мечом и погибнут (Евангелие от Матфея 26:52).

И перекуют мечи свои на орала (Исайя 2:4) — фразеологическая единица, в течение веков повторявшаяся множество раз, выражает желание покончить с враждой и заняться сугубо мирным трудом.

Кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убитым мечом (Апок, 13—10).

2. Меч — это слово Божье, которое обладает большой силой:

Я лежу среди сынов человеческих, у которых зубы — копья и стрелы и у которых язык — острый меч (Псалом 56:5).

Уста их мягче масла, а в сердце их вражда; слова их нежнее елеса, но они суть обнаженные мечи (Притча 54:22).

3. Меч — оружие Божьего гнева:

Сказал Господь: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте, если же ты притеснишь их, то когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их и воспламенится гнев Мой, и убью Вас мечом, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши сиротами...» (Исход 22:22—24).

Благодаря культурным диалогам, в русском языке сформировалась богатая фразеология с концептом *МЕЧ*, которая используется в разговорной речи и художественной литературе:

Повинную голову меч не сечет: «Ах, мои батюшки! Повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не погубите меня» (Фонвизин, «Недоросль»);

Поднять меч на кого-нибудь: «Самозванец: не совестно Рожков, что на меня ты поднял меч?» (Пушкин, «Борис Годунов»);

Вложить меч в ножны: «Теперь такое время наступает, что нам с тобою долго меч в ножны вложить не удастся» [Саянов, «Небо и земля»];

Начиная с XII в. концепт приобретает другие смысловые оттенки. На Западе меч — символ рыцарской чести. Рыцари Европы давали клятвенную присягу на мече, как символу самого рыцарства: «Присягаю на этом мече, на этом мече говорю» (У. Шекспир «Гамлет»)

Мечи русских святых — это символы незыблемости и мощи русской земли. Наиболее известным на Руси мечом в христианскую эпоху стал меч св. Бориса. Владельцем его был князь Андрей Боголюбский.

Магическая сила оружия «включалась» в трудные моменты битвы. В летописи 1149 г. содержится рассказ, о том, как Андрей в ходе сражения под Лучском оказался «обиступлен» врагами и вынужден был уходить от погони на раненном коне. Когда казалось, что гибель неминуема, князь Андрей производит следующие действия: он «помолился к Богу и, выня мечь свои, призва на помощь себе святаго мученика Феодора» [8. С. 389]. Призвание св. Феодора далее объяснено летописцем: «бысь бо и память святаго мученика Феодора во ть день» [8. С. 389]. Обнажение меча было не только жестом устрашения и демонстрации боевого духа, но и магическим актом, поскольку оно было поставлено летописцем между обращением к Богу и к св. Феодору. Возможно, уже тогда Андрей был владельцем меча св. Бориса. После смерти Андрея меч хранился в одной из церквей г. Владимира.

В Древней Руси сложился культ княжеских мечей, причем совсем не обязательно первый прославленный владелец должен был быть святым. В Троицком соборе Пскова хранились и дошли до наших дней мечи псковских князей Всеволода Мстиславича и Довмонта. По мнению А.Н. Кирпичникова, «меч Всеволода» скорее всего более поздний. Он заменил собой меч XII в., который был установлен в 1137 г. над могилой Всеволода: «поставиша над ним его меч, иже и доньне стоит, видим всеми» [9]. «Меч Довмонта» — оружие XIII в. Об этом свидетельствуют элементы оформления и наличие подтверждающего иконографического материала. Возможно, что именно этим мечом священнослужители Пскова опоясывали князя перед походом на немцев, а позднее горожане символически вручали князьям при посажении на псковский престол. Оружие православного святого сменило в качестве «магического» мечи древних языческих вождей, почитание которых не могло сохраниться в христианскую эпоху. В христианской оболочке идея «волшебного» оружия не могла не казаться несколько подозрительной православному монаху-летописцу. Меч как образ и христианский символ используется летописцем довольно часто. Стереотипны фразы о том, что князь «не туне мечь носить», «мечь прещенье и опасенье... пасти люди своя от противных» [9]. Но вот о культе конкретных клинков в древнерусских источниках домонгольской поры говорится немного.

Сегодня Меч Святого благоверного князя Псковского Довмонта (в святом крещении Тимофея) — главная реликвия и святыня русского города Пскова, символ мощи Пскова, единства его светской и духовной власти (с XIII в.).

Концепт-символ *МЕЧ* это и «биологическая метафора» окружающего мира. В ботанике это меч-трава (*Cladium*), имеет кожистые листья с острорежущими краями, меч-трава обыкновенная — редкий вид Европейской части, в Красной книге России; цветок гладиолус (меч). В зоологии: меч-рыба (верхняя челюсть вытянута в мечевидный отросток, встречается в Черном и Азовском морях), меченосцы, мечехвосты (класс морских членистоногих, имеют брюшко с хвостовым шипом). Семантическая плотность концепта представлена и в ономастике, где мы наблюдаем пересечение концепта-символа *МЕЧ* в разных лингвокультурах.

Концепт *МЕЧ* входит в ономастическое пространство многих языков.

Антропонимы: русские фамилии — Мечов, Мечников, арабское имя личное Сейф (Меч), в казахском языке имя личное Кылышбай (меч бая), Шамшер (меч) — личное имя у таджиков; космонимы: Южное созвездие Меч (у В.И. Даля); гидронимы: озеро Возвращенного Меча (г. Ханой), река Красивая Мечь (род имени существительного изменен русским народом).

Таким образом, проведенный анализ позволил определить развитие концепта *МЕЧ* как военно-исторической и культурной единицы. Язык явился тем фиксатором, который вобрал в себя новые смысловые оттенки концепта, закрепил их в различных источниках, посредством чего в дальнейшем перед нами предстала достаточно полная эволюция концептуальных смыслов. Описывая развитие данного концепта, мы определили военно-историческую мотивацию движения от вида

холодного оружия до нравственного универсального концепта-символа силы, власти, достоинства, лидерства, высшей справедливости, мужества, божественной мудрости, правды и чести.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. — М.: Гос. издательство иностр. и нац. словарей, 1955.
- [2] *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. т. II. — М., 1938.
- [3] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1986.
- [4] Великоустюжский сборник XVII в. // Отреченное чтение в России 17—18 веков. — М., 2002.
- [5] *Толстой А.К.* Князь Серебряный. — М., 1966.
- [6] ПСРЛ. — Т. 1. — СТБ. 48.
- [7] Сказание о Еруслане Лазаревиче // Русская бытовая повесть XV—XVII вв. — М., 1991.
- [8] ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. — М., 1997. — Т. 1. — С. 369.
- [9] *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX—XIII вв. — М.; Л., 1966. — С. 52.

THE SPHERE OF MILITARY CONCEPTS AND THE CONCEPT OF «BLANK WEAPON (SWORD)» IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE RUSSIANS IN COMPARISON WITH OTHER LINGUISTIC CULTURES

L.N. Tretyakova

People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the sphere of military concepts and the concept of «blank weapon (a sword)». The entity of this concept and symbol and its features are being defined in the article. We are also investigating the evolution of the concept.

Key words: the sphere of military concepts, a military concept, symbol and concept «sword», myth, archetype.